

## Литература

1. Молчанова Г.Г. Семантика художественного текста (импликативные аспекты коммуникации). Ташкент, 1988.
2. Молчанова Г.Г. Импликативные аспекты семантики художественного текста: Автореферат дис... д-ра фил. наук. М., 1990.
3. Болотнова Н.С. О теории регулятивности художественного текста // Stylistyka. Вып. VII. Opole, 1998.
4. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 2001.
5. Болотнова Н.С. Поэтическая картина мира и ее изучение в коммуникативной стилистике текста // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3 / 4.
6. Набоков В.В. Письмо в Россию // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. М., 1990.
7. Современный толковый словарь русского языка. СПб, 2001.
8. Пушкин А.С. Золотой том. Собрание сочинений. М., 1993.
9. Набоков В.В. Картофельный Эльф // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. М., 1990.
10. Набоков В.В. Катастрофа // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. М., 1990.
11. Библия. Екклесиаст. 1, 18
12. Сабиров В.Ш. Русские сны наяву (философский анализ художественных произведений): Методическое пособие. Пермь, 1996.

*А.В. Курьянович*

### КОГНИТИВНАЯ СУЩНОСТЬ РЕЧЕВОГО ЖАНРА САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

Томский государственный педагогический университет

*...большое письмо, когда окрепнете:  
в нем много мыслей и еще больше чувствований –  
много всего – вся я – а это (говорят) и здоровому – много.  
Из письма А. Штейгеру  
13 августа 1936 г.*

Современные лингвистические исследования направлены на изучение языка как «общего когнитивного механизма» (А.В. Рудакова), средства организации, обработки и передачи информации.

В целом ряде научных трудов (см. работы Н.Д. Арутюновой, Н.С. Болотновой, В.З. Демьянова, Е.С. Кубряковой, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, Ю.С. Степанова и др.), посвященных разработке основных проблем когнитивной лингвистики, особое место отводится вопросам интерпретации текстов. С позиций когнитивной лингвистики данный процесс видится результатом реконструкции в сознании читателя определенных фрагментов концептуальной картины мира автора, вербально эксплицированных в тексте. Тексты разной жанрово-стилевой принадлежности характеризуются неодинаковыми возможностями в плане выражения особенностей концептосферы автора.

Несомненно, огромен в этом отношении функционально-прагматический потенциал эпистолярных текстов с такими, присущими им категориальными свойствами, как разная степень субъективации повествования, личностно ориентированный способ подачи информации, определенная доля искреннос-

ти и заинтересованности автора в излагаемом материале, индивидуальный стиль письма, возможность обсуждения разнообразных тем и выражения собственных оценок. С другой стороны, несовпадение позиций пишущего и его адресата в пространстве и во времени стимулирует потребность автора письма рассказать своему собеседнику о себе, компенсировать отсутствие непосредственного общения информацией о себе «из первых рук». Письма, особенно те, которые принадлежат перу выдающихся художников слова, можно с уверенностью причислить к разряду «антропотекстов» (Н.Д. Голев), в полной мере раскрывающих особенности концептуальной и языковой картины мира личности, «стоящей» за текстом. В эпистолярных текстах это происходит самым непосредственным образом – на основе сведений, которые сообщает о себе сам автор. Письма, таким образом, предстают верным источником информации об авторе. Без обращения к эпистолярному наследию трудно приблизиться к личности художника слова, постичь его творческие замыслы и особенности мировосприятия.

В данной статье речь пойдет о письмах одного из самых масштабных, неординарных и талантли-

вых поэтов «серебряного века» – М.И. Цветаевой. Ее эпистолярный дискурс в полной мере несет на себе «отпечаток» мощнейших по силе лиризма поэтических текстов, является уникальным способом восприятия и осмысления бытия, отражает неповторимость и «непохожесть» авторской личности. «Ничто так не характеризует Цветаеву – человека, как ее письма» [1, с. 5]. Для М. Цветаевой переписка – и вид общения, и способ самовыражения, поскольку зачастую она пишет «вне адресата», «в стол». В эпистолярной прозе раскрывается характер Цветаевой с юных лет и до последних дней. Первое из писем датировано 20 мая 1905 г., когда начинающему поэту еще не было и 13 лет, последнее написано 31 августа 1941 г., в день гибели.

В задачи статьи входит выявление на материале писем М.И. Цветаевой разных лет и адресованных разным людям когнитивной сущности речевого жанра *самопрезентации* – специфики форм его выражения, типологической и функционально-прагматической сущности и степени участия в процессе реконструкции некоторых фрагментов концептосферы автора на основе текстовых данных. В каждый момент общения посредством переписки актуализируется та или иная ипостась личности (или несколько одновременно), так как говорящий в соответствии со своими потребностями не только моделирует для себя личность адресата (при этом отметим, что ориентация на адресата в письмах чрезвычайно важна!), но и репрезентирует себя, бессознательно или сознательно выделяя определенные стороны своей личности. Подобная самоподача, самораскрытие позволяют адресату сконструировать определенный образ автора.

Основываясь на положениях современного жанроведения (см. работы М.М. Бахтина, А.Г. Баранова, А. Вежбицкой, Ст. Гайды, В.Е. Гольдина, В.В. Деметьева, К.А. Долинина, К.Ф. Седова, О.Б. Сиротининой, М.Ю. Федосюка, Т.В. Шмелевой и др.), под *речевым жанром самопрезентации* (далее – *РЖС*) условимся понимать тип текста, появление которого обусловлено авторской целевой установкой самоподачи, самохарактеризации и самораскрытия в условиях определенной ситуации общения.

Само выделение и терминологическое обозначение данного жанра характерно для современного речеведения, поскольку коммуникативная ситуация *самопрезентации*, лежащая в основе анализируемого речевого жанра, является на сегодняшний момент чрезвычайно актуальной в окружающей нас жизни. Понятие *самопрезентации* «пришло» в речеведение из социальной психологии, где оно обозначает «акт самовыражения и поведения, направленный на то, чтобы создать благоприятное впечатление или впечатление, соответствующее чьим-либо идеалам» [2, с. 96]. **Посредством умения и навыков само-**

**презентации говорящий способен** управлять процессом восприятия (т.е. формирования своего образа в глазах партнера по общению) с помощью стратегии привлечения внимания к тем особенностям внешнего облика, своего поведения или представления о ситуации, которые запускают соответствующие механизмы восприятия.

В основе *РЖС* могут лежать различные коммуникативно-речевые ситуации: портретирования, характеристики, идентификации, этикетного знакомства, узнавания, представления, описания с целью подчеркивания личностной (внутренней и внешней) индивидуальности, описания с целью негативной и позитивной оценки, сопоставления, отстранения, имплицитной просьбы и пр.

Относительно вопроса о месте *РЖС* в теории речевых жанров отметим, что исследователями выделяется прежде всего речевой жанр *портретирования* как разновидность жанра *презентации человека* вообще. Круг терминологических обозначений этого жанра представлен в достаточной степени: «*портретирование*», «*словесный портрет*», «*портретное описание*», «*портретная характеристика*» (Г.В. Баскакова), «*описание внешности человека*» (Т.В. Гамалей), «*портретирование себя*», «*портрет-представление*» (Н.А. Седова). Например, О.С. Рогалева, исследуя текст брачного объявления, выделяет в нем *субтекст «самопрезентации»*, являющийся «смысловым стержнем всего текста... Текст самопрезентации представлен двумя уровнями: уровнем социальной категоризации и уровнем психологической характеристики. Первый уровень ограничивает человека как социального объекта – границами пола, национальности, профессии. Здесь происходит самоидентификация говорящего через отнесенность к классу лиц. Второй уровень принципиально безграничен: на нем автор текста предстает как объективно фиксируемая совокупность тех или иных элементов (черт, мотивов, потребностей, функций). Необходимым условием здесь является решение задачи самоопределения, поиска идентичности» [3, с. 154]. Г.А. Золотова говорит о ситуации представления человека как «особом типе речи, или речевом регистре, который по способу отражения действительности является информативно-описательным» [4, с. 167]. Н.Д. Арутюновой подробно описаны пять речевых ситуаций, лежащих в основе «акта идентификации», и способы их «практических реализаций» [5, с. 284]. И наконец, типичным примером речевого жанра *описание человека* является криминалистический портрет, или так называемая «*ориентировка*», используемая при поиске преступника или пропавшего человека по особым приметам.

Существенными для всех разновидностей речевого жанра *презентация человека* являются, по

мнению ученых, факторы «характер межличностного взаимодействия коммуникантов» и «функциональный стиль общения».

Мы квалифицируем *РЖС* как синкретичный информативно-оценочный речевой жанр, поскольку в его рамках сочетается сообщение автором информации о себе и самооценка.

В данной статье *РЖС*, функционирующий в эпистолярном дискурсе М. Цветаевой, будет рассматриваться прежде всего как определенный способ существования когнитивного пространства адресанта в текстах писем и в целом – как немаловажный компонент авторской концептосферы.

Каковы же особенности и основные направления стратегии *самопрезентации* в эпистолярном дискурсе М. Цветаевой?

В ходе анализа нами выявлены наиболее типичные для эпистолярного дискурса поэта *когнитивные модели (сценарии) самопрезентации*, лежащие в основе соответствующего речевого жанра:

1. Модель идентификации «**Я = Я / Я = другому-му**»: «Мне, как поэту и сотоварищу его (Бальмонта), нечего возразить» [6, т. 7, с. 617], «Ты мне навсквозь родной, такой же страшно, жутко родной, как я сама» [6, т. 6, с. 243], «То, что ты пишешь о себе, я могу написать о себе» [6, т. 6, с. 250], «Я в свои лучшие, высшие, сильнейшие, отрешеннейшие часы – сама такая же» [6, т. 6, с. 250].

2. Модель отстранения «**Я ≠ Я**»: «Гонорар, помоему, великолепен, особенно (эгоистически!) для меня, которую никто переводить не будет» [6, т. 7, с. 717], «Я была при поэтах убажжительницей их низостей, – совсем не поэтом! И не Музой: – молодой (иногда трагической, но все ж:) – нянькой! С поэтом я всегда забывала, что я – поэт. И если он напоминал – откровенывалась» [6, т. 6, с. 229].

3. Модель сопоставления «**Я ↔ другой**»: «Хотя и хорошо пишу, – но – ничей – путь» [6, т. 7, с. 152], «Саломея, Вы сухи, Вы сплошная сушь (кактус), и моя сушь по сравнению с Вашей – подводная яма» [6, т. 7, с. 152], «Я сказала Вам: есть – Душа. Вы сказали мне: есть - Жизнь» [6, т. 6, с. 660].

4. Модель, в основе которой лежит ирония «**Я - 'Я**»,»: «Я страшный трус, Саломея» [6, т. 7, с. 118], «Я свинья, целое стадо, может быть и евангельское» [6, т. 7, с. 108], «Я неблагодарная свинья, до сих пор не поблагодарила Вас за изживание» [6, т. 7, с. 119].

5. Модель отрицания «**не – Я**»: «...это тоже я, не отрекаюсь. Но не Ваша я» [6, т. 6, с. 242], «Я в жизни своей отсутствую, у меня нет дома» [6, т. 6, с. 243].

6. Модель обобщения «**Я + все**»: (Рильке, 57): «...ведь это чудо: ты – Россия – я» [6, т. 7, с. 62], «Я – многие, понимаешь? Быть может, неисчислимо многие! (Ненасытное множество!)» [6, т. 7, с. 64].

*РЖС*, представленный в письмах поэта, никогда «не претендует» на роль ключевого в структурно-композиционном отношении, в отличие от речевого жанра *презентации*, имеющего в качестве объекта характеристики другого человека (в циклах писем, обращенных к разным адресатам, часто встречаются *тексты-портреты*, раскрывающие как «внешние», так и «внутренние» особенности личности адресата).

Однако роль *РЖС* в создании концептуального плана в эпистолярной прозе М. Цветаевой поистине велика. Понимая, насколько сложно бывает людям с нею, в полной мере осознавая свою «многомерность», уникальность, Цветаева стремится помочь своим собеседникам приблизиться к пониманию «своей Вселенной» посредством вкрапления в тексты писем собственных и о себе же суждений информативно-оценочного типа: «...дать другому узнать меня еще глубже» [6, т. 7, с. 564]. Сведения эти ценнейшие, так как, по словам самого автора, именно в них содержится «истинная форма нашего облика и ощущений» [там же], это – «настоящее во мне», «самоощущение», «я будучи мной» [там же]. Только сама Цветаева знает о себе правду: «Да знаете ли Вы, что такое – я?.. Нет... но я знаю, кто такое – я» (из письма А.С. Штейгеру: [6, т. 7, с. 567]). Слова других, иногда даже близких ей по духу людей, она воспринимает как «черновик, бумагу с тьмой помарок, только затмение» [6, т. 7, с. 564], «случайность» [6, т. 7, с. 151], «неузнавание», «незнание» [6, т. 7, с. 130], делая вывод: «Это – не я» [6, т. 6, с. 558].

К тому же поэту, пребывающему в постоянном состоянии душевного напряжения, поиска и страсти, становится жалко растрачивать силы и время на процесс «узнавания», ему всегда надо все и сразу: «жизнь медленна, и есть вещи, которые должно если не делать, то по меньшей мере постичь вовремя» [6, т. 7, с. 564].

Несмотря на важность такой функциональной характеристики *РЖС* в эпистолярном дискурсе М. Цветаевой, как участие в коммуникативных ситуациях *знакомства и узнавания*, выделим в качестве ключевой роль *РЖС* в процессе *самопознания* автором своего духовного мира. Об этом можно сказать словами «обожаемого» Цветаевой В.В. Розанова: «Я весь – дух, и весь – субъект... я сам бесконечно интересен» [7, с. 37]. По сути, все письма Цветаевой – один пространственный, чрезвычайно глубокий, предельно личностный, временами спонтанно возникающий, лиричный, рефлексивный автодиалог – диалог внутри авторского сознания. «На-себя направленность» каждой строки из эпистолярной прозы Цветаевой очевидна. Сама она не раз делала в письмах признания о том, что адресат зачастую выполняет у нее исключительно формаль-

ную функцию, главное – познать через Слово свою Душу.

Однако нельзя недооценивать роль фактора адресата в условиях эпистолярной сферы коммуникации. Автор вольно или невольно раскрывает себя с тех сторон, которые актуально/потенциально востребованы именно собеседником: с «равновеликими» Рильке, Пастернаком, Волошиным – говорит о себе в первую очередь как о поэте, с меценаткой Саломеей Гальперн – о своем состоянии постоянной денежной нужды, с издателем А. Бахрахом – о печатании стихов и т.д. Более того, в зеркале самопрезентации отражаются и приобретают авторскую оценку некоторые стороны личности и поступки самих адресатов.

В эпистолярном дискурсе М. Цветаевой получает иное наполнение понятие «перспективы жанра» (последствия для коммуникации данного жанроупотребления). Теория социальной психологии трактует стратегию самопрезентации (ситуация подачи себя в наиболее выгодном свете с учетом ситуации общения) как приводящую исключительно к ситуации коммуникативной удачи. В письмах Цветаевой часто выходит наоборот: собеседника отпугивает сила и страстность натуры поэта («гигантскость моего шага к Вам»: [6, т. 7, с. 574]), индивидуальная манера обнажать Душу, исповедальный характер строк, «чисто женская интимность» (Ф. Степун), тончайший психологизм в изображении динамики душевных движений и потока состояний: «Одна голая душа! Даже страшно» [8, с. 103]. Подобная стратегия самопрезентации приводит зачастую к коммуникативному сбою и даже – краху отношений. Таким образом, нередко РЖС выступает в эпистолярных текстах поэта маркером трагедийности как основы его мировосприятия.

Основываясь на материале писем Цветаевой, можно по-иному осмыслить смежное с самопрезентацией понятие имиджа (т.е. сознательно создаваемого в глазах окружающих собственного образа). Заботит ли автора идея создания своего имиджа? Это волнует его исключительно в тех случаях, когда речь заходит о творчестве. В подобных ситуациях Цветаева видит в себе Поэта, чья самооценка и оценка значимости со стороны других людей не поддаются для нее никакому сомнению. Самохарактеризация, в которой доминирующей составляющей выступает тема Поэта и Творчества, является основополагающей ситуацией в РЖС, представленном в письмах М. Цветаевой: «...не поэтесса (слово, для меня, полупочтенное) – а поэт» [6, т. 6, с. 558], «Я не философ. Я поэт, умеющий и думать» [6, т. 7, с. 31], «Ваша критика умна... У Вас хороший вкус: не «поэтесса» (слово, для меня, полупочтенное) – а поэт» [6, т. 6, с. 524], «И я, как поэт, придя в мир, сразу избрала себе любить другого. Любимой быть – этого я по сей час не умела» [6,

т. 6, с. 621]. Текстовая парадигма номинатов синонимичного типа с доминантой *поэт*, составленная на основе эпистолярных текстов Цветаевой, включает в себя такие наиболее частотные единицы, как *гений, глашатай, ангел, полубог, каторжник, человек пера, явление природы, вершитель, божий и божественный промах, каторжное клеймо, проказа, дух, сила, воплощенная пятая стихия*.

В целом образ автора, воссозданный на основе его самопрезентации, характеризуется некоторыми базисными характеристиками, которые автор определяет для себя как существенные и релевантные при коммуникации посредством письма. В результате на страницах писем М. Цветаевой возникает глубокий и всесторонний ее личностный портрет, по частям составленный ею самой. Вот лишь некоторые составляющие «основы моей личной природы» [6, т. 7, с. 159]:

– на уровне физического самоощущения в условиях быта: «телефон для меня – катастрофа» [6, т. 7, с. 523], «для меня мороз – самый большой страх» [6, т. 7, с. 514], «я (водной – А.К.) глубины – боюсь» [6, т. 7, с. 488], «в реке я – плохой пловец! Надо мной все смеются» [6, т. 6, с. 571], «сладкое очень люблю» [6, т. 7, с. 481], «я и во сне близорука» [6, т. 7, с. 568], «я никогда не плачу» [6, т. 7, с. 57], «я совсем обнищала» [6, т. 7, с. 108], «я новых мест и неопределенных положений боюсь» [6, т. 7, с. 579], «из всего больше всего люблю кухню» [6, т. 7, с. 571], «горы люблю больше всего» [6, т. 7, с. 124], «...покупать негде, а я без папирос бешусь» [6, т. 7, с. 122], «мелкость моего почерка» [6, т. 6, с. 572], «...согласно своей привычке» [6, т. 6, с. 558];

– на уровне самохарактеризации с позиции выполняемых социальных ролей и национальной принадлежности: «Вы всегда будете воспринимать меня как русскую» [6, т. 7, с. 56], «Россия для меня все еще – какой-то потусторонний мир» [6, т. 7, с. 58], «это написано моей германской, не французской душой» [6, т. 7, с. 61], «в наше время (которое ненавижу)...» [6, т. 6, с. 512]; «Ничего не имею и живу подаянием» [6, т. 7, с. 358], «Я – нелегкий человек и мое главное горе – брать что бы то ни было от кого бы то ни было» [6, т. 6, с. 103];

– на уровне выражения собственного состояния души и психосоматических ощущений: «люблю пересол в чувствах, никогда – в фактах» [6, т. 7, с. 124], «главная радость – природа» [6, т. 7, с. 515], «у меня бесконечная трезвость, до цинизма» [6, т. 7, с. 488], «я душа и рабочий скот» [6, т. 7, с. 15], «прибедняться и ласкаться я не умею» [6, т. 7, с. 11], «мой платонизм» [6, т. 7, с. 320], «я, это моя душа + осознание ее» [6, т. 6, с. 715], «я не завистлива» [6, т. 6, с. 572], «у меня в сердце постоянный нож» [6, т. 7, с. 509], «плоть – это то, что я потрясаю» [6, т. 6, с. 530];

– на уровне портретной и возрастной самохарактеристики: «...в голубом немодно-широком с воланами платье – и с седую головой» [6, т. 7, с. 584], «хожу в огромных черных чешских башмаках и – с добрую овчину толщиною – черных и чешских также – чулках – чулках, всем и себе на удивление» [6, с. 121], «я очень сильно загорела – все время сижу без шапки» [6, т. 6, с. 45], «Я очень постарела, почти вся голова седая... и вообще – тьфу в зеркало, – но этим я совершенно не огорчаюсь, я и двадцати лет, с золотыми волосами и чудным румянцем – мало нравилась... Просто – смотрю и вижу (и даже мало смотрю!)» [6, т. 7, с. 160], «У меня волосы тоже вьются на концах» [6, т. 6, с. 55];

– на уровне сообщения автобиографических сведений: «я росла за границей и Японскую войну помню из немецкой школы» [6, т. 7, с. 123], «из русской революции (не революционной России, революция – это страна со своими собственными – и вечными – законами!) уехала я – через Берлин – в Прагу...» [6, т. 7, с. 56], «Когда мне было 9 лет – мы были тогда в Тарусе» [6, т. 6, с. 110];

– на уровне оценивания себя как языковой личности: «я не люблю глаголов» [6, т. 6, с. 522], «замечаю, что весь русский словарь во мне, что источник его – я, т.е. изнутри бьет» [6, т. 7, с. 113], «и пишите мне, пожалуйста, настоящие письма, а не картинки» [6, т. 6, с. 584], «хочется безукоризненной формы, привычка слуха и руки» [6, т. 6, с. 350].

Во всех перечисленных примерах – штрихи внешнего и внутреннего портрета М. Цветаевой, набросанные ее собственной рукой, а значит, здесь она – «сама – своя, т.е. больше всего на себя похожа» [6, т. 6, с. 579].

Отметим также, что РЖС, представленный в эпистолярном дискурсе М. Цветаевой, во многом способствует созданию гендерно маркированного типа текста, при интерпретации которого необходимо учитывать фактор социокультурной дифференциации полов. В этом случае актуальным становится выявление (с опорой на гендерные стереотипы сознания, т.е. традиции в восприятии образа русской женщины) скрытых кодов, связанных с женским авторским началом и реализуемых в тексте на уровне авторской самопрезентации. «Субстанция женского» (И.Л. Корчагина) очевидна в картине мира поэта, включая языковую ее составляющую. Речевой перформативной единицей РЖС в этом случае выступает лексема *мать* и ее текстовые ассоциаты: *скала, камень, змея, душа, любовь, сердце, дом, бог, дно, море, бездна, раковина, слово, боль, судьба, чудо, вечность, небо, страдание*. Отметим, что Цветаева репрезентирует себя как *мать* не только по отношению к детям, но и к окружающим близким ей мужчинам, причем акцент делается на таких чертах, как самоотверженность и абсо-

лютное самоотречение. Приведем примеры (из цикла писем к А. Штейгеру) самооценивания автором своих позиций в любовных отношениях: «Я – мать», «моя родная живая бездна» [6, т. 7, с. 566]; «Я: хватит на обоих, т.е. на всю боль» [6, т. 7, с. 567]; «Я иногда думаю, что Вы – я... но Вы, минутами, я – до странности» [6, т. 7, с. 569]; «Вся я к Вам...» [6, т. 7, с. 574]; «Я себя сейчас чувствую своим замком, в котором Вы живете. Пустынно, огромно, сохранно и обнимающе Вас со всех сторон...» [6, т. 7, с. 577]; «Друг, я Вас любила как лирический поэт и как мать. И еще как я: объяснить невозможно» [6, т. 7, с. 624]. Цветаева-мать «пропускает» другого через себя, сквозь призму своего сознания (психики и интеллекта), телесного самочувствия, через сферу подсознательного: «Глубоко погрузить в себя и через много дней или лет – однажды – внезапно – возвратит фонтаном, перестрадав, просветлев: глубь, ставшая высью» [6, т. 7, с. 65].

Остановимся на характеристике способов и средств выражения РЖС в эпистолярном дискурсе М.И. Цветаевой.

1. Основной формой самопрезентации в письмах Цветаевой является традиционное повествование от 1-го лица. Местоимение *Я* – ядерный элемент речевой структуры РЖС. Функцию указания на субъекта речи выполняют и другие дейктические формы (возвратное *себя*, притяжательные *мой, свой*), а также вводные и модальные элементы: «В жизни людей я хочу быть тем, что не причиняет боли, поэтому и лгу – всем, кроме себя самой» [6, т. 7, с. 64], «Я не люблю детского общества» [6, т. 7, с. 575], «мой плохой немецкий... по-французски я пишу свободно» [6, т. 7, с. 58], «ты будешь мой гость» [6, т. 6, с. 580], «Версты вышли, по-моему – чудесная книга» [6, т. 7, с. 100]. В картине мира Цветаевой эти языковые формы являются значимыми уже в силу того, что сам автор акцентирует внимание читателя на них: «Своя собака, т.е. особая, отдельная от всех» [6, т. 7, с. 569]. В отдельных редких случаях фиксируется использование автором формы самопрезентации от 3-го лица. Как правило, это встречается в письмах более раннего периода, обращенных к близким людям старшего поколения. Можно предположить, что данный способ самопрезентации вызван к жизни желанием автора почувствовать себя маленькой, открытой, не отягощенной бытовыми проблемами девочкой (именно о себе от 3-го лица говорят в определенном возрасте все дети). Например: «Пока до свидания, Максинька, пиши... Марина лохматится о твою львиную голову» (из письма М. Волошину, датированного октябрём 1911 г.: [6, т. 6, с. 55]).

2. Важнейшим средством авторской самопрезентации выступает имя существительное собст-

венное, называющее автора. Эта полифункциональная единица в письмах Цветаевой (и вообще в эпистолярных текстах, поскольку выступает традиционным компонентом «подпись адресанта» в любом письме) выполняет вполне определенную функционально-прагматическую и смысловую нагрузку: «Я здесь ради имени. Когда человек, как я, не имеет ни денег, ни времени, он выбирает самое необходимое: насущенное» [6, т. 7, с. 57].

Преобладающей формой подписи в письмах Цветаевой является подпись «МЦ». Заглавные буквы своего имени и девичьей фамилии, возможно, были выбраны поэтом в качестве подписи по нескольким причинам: вообще «любовь» ко всякого рода «сокращенным формам», демонстрация своей принадлежности к корням, роду и, наконец, возможность реализовать подобным образом чувство собственного достоинства и гордости от того, что она – Поэт. Не случайно, что в письмах к официальным лицам Цветаева избирала полную форму подписи: «Марина Цветаева».

Еще одна функция самоиминации посредством использования имени собственного в качестве подписи – создание очень важного для эпистолярной прозы пресуппозиционного фона. Интересен в этом отношении цикл писем к Рильке. Вариант подписи, который выбран автором здесь, – «Марина». Можно предположить, что Цветаева осознает себя в общении с Рильке сначала женщиной, а уже потом – поэтом. Гармоничное сочетание форм обращения к адресату (в одном из писем нами зафиксировано 3 случая употребления формы «любимый» и 2 – «милый») и авторской подписи создают, таким образом, наиболее благоприятную для коммуникантов интимную тональность общения. Об этом идет речь и в письме, открывающем эпистолярный цикл к А. Штейгеру: «Как Вы могли назвать меня по имени-отчеству – как все (нелюбимые и многоуважающие). Ведь мое имя было из каждой моей строчки...зовите меня просто Мариной...» [6, т. 7, с. 565]. А в одном из писем к Бахраху встречаем такую строчку: «Любите мир – во мне, не меня – в мире. Чтобы «Марина» значило: мир, а не мир – «Марина»» [6, т. 6, с. 574].

3. Особенно хочется выделить в числе лексических средств, оформляющих РЖС, глагол люблю и однокоренные с ним лексемы любовь, любимый, поскольку данные единицы передают авторскую оценку самым непосредственным образом (за счет особенностей семантики). Как правило, эти слова употребляются Цветаевой в сочетании со смысловыми конкретизаторами (чаще всего это – местоимение мой в разных формах и группа производных от существительного страсть), а также – с частицей не: «Друг, я Вас любила как лирический поэт и как мать. И еще как я (подчеркнуто два-

ды – А.К.): объяснить невозможно» [6, т. 7, с. 624], «Переулочки и Молодец – вот, досель, мое из меня любимое» [6, т. 6, с. 249], «Напиши мне о летней Москве. – Моей до страсти – из всех - любимой» [6, т. 6, с. 267], «Я не люблю встреч в жизни» [6, т. 6, с. 226], «Я не люблю критики, не люблю критиков» [6, т. 6, с. 557], «...Казановы (которого страстно люблю)...» [6, с. 7, с. 61].

4. К средствам самопрезентации можно причислить окказиональную лексику, поскольку она в полной мере отражает особенности авторского мировосприятия: «Слово для меня вплоть – чувство: наивнутреннейшее» [6, т. 6, с. 240], «я слишком ревнива (к тебе – ревностна)» [6, т. 7, с. 57], «...чувствую молящесть своего голоса» [6, т. 6, с. 580].

5. На синтаксическом уровне средством выражения РЖС можно считать парцелированные, риторические, вопросно-ответные конструкции, имитирующие автодиалог: «Париж? Не знаю. Кто я, чтобы говорить о таком городе?» [6, т. 7, с. 10], «Я не еду, я уже уехала. Погода испортилась? Все равно. Купаться нельзя? Не я купаюсь... Огорчена? Нет» [6, т. 7, с. 15].

6. Продуктивными и частотными в эпистолярном дискурсе М. Цветаевой являются также некоторые стилистические приемы, участвующие в создании РЖС:

– образное индивидуально-авторское сравнение: «Но слушаю я не речи: сердце! – как врач» [6, т. 6, с. 581], «Я нища как Иов» [6, т. 6, с. 559], «Панически боюсь автомобилей. На площади я самое жалкое существо, точно овца попала в Нью-Йорк» [6, т. 6, с. 571];

– метафорическое переосмысление слов: «Я сама хотела бы быть этой курткой: греть, знать, когда и для чего – нужна» [6, т. 6, с. 595], «Душу свою я сделала своим домом» [6, т. 6, с. 243], «моя жизнь - черновик» [6, т. 6, с. 247];

– оксюморон: «Я бы не могла с тобой жить не из-за непонимания, а из-за понимания» [6, т. 6, с. 262];

– амплификация (усиление воздействующих функций слов на основе актуализации парадигматических отношений между лексическими единицами): «Я ведь дух, душа, существо» [6, т. 6, с. 616], «Вы говорите: женщина. Да, есть во мне и это. Мало – слабо – налетами – отражением – отображением» [там же], «Я совсем не была умильной. Я была героичной: то есть бесчеловечной» [6, т. 6, с. 613]. В данных примерах представлены текстовые парадигмы неузального типа: синонимическая, градационная и антонимическая соответственно (термины Н.С. Болотновой [10]).

Отметим, что все перечисленные выше случаи образного употребления слов характеризуются

большой степенью прагматического и эстетического воздействия.

РЖС в письмах Цветаевой взаимодействует с другими речевыми жанрами, в частности, с выражением просьбы. В результате к собственно императивной цели (побуждение адресата к действию) добавляется задача авторской самопрезентации: «Не отождествляйте меня с моим изживением, иначе Вам станет нудно» [6, т. 7, с. 102], «Не считайте меня невежей» [6, т. 7, с. 116]. Сама Цветаева написала однажды в письме к Саломее Гальперн

так: «Мои просьбы всегда неубедительны, застенчивы, юмористичны, иногда – прямолинейны, своеобразны, т.е. с печатью моего образа» [6, т. 6, с. 350].

Подводя итог, заметим, что проблема изучения особенностей концептосферы автора в жанровом аспекте открывает возможности дальнейшего изучения речевых жанров под новым углом зрения – как способов реализации фрейма (сценария), что, в свою очередь, расширяет границы описания речевого поведения языковой личности в целом.

## Литература

1. Саакянц А.А. Комментарий // Цветаева М.И. Сочинения: В 7 т. Т. 6.: Письма. М., 1995.
2. Майерс Д. Социальная психология. СПб., 1997.
3. Рогалева О.С. Брачное объявление как гендерно маркированный тип текста: к методологии описания. // Образ человека и человеческий фактор в языке: словарь, грамматика, текст. Материалы XIV Кузнецовских чтений, посвященных 30-летию кафедры современного русского языка УрГУ / Под ред. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург, 2004.
4. Золотова Г.А. К вопросу о конститутивных единицах текста // Русский язык: Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. М., 1984.
5. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
6. Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6.: Письма. Т. 7.: Письма. М., 1995.
7. Розанов В.В. Опавшие листья: Лирико-философские записки / Сост., вступ. ст. А.В. Гулыги. М., 1992.
8. Белкина М.И. Скрещение судеб. М., 1988.
9. Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1982–1988 (МАС).
10. Болотнова Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск, 1994.